

22. Nielsen, T., Kuiken, D., Hoffmann, R., Moffitt, A. (2001). REM and NREM Sleep Mentation Differences: A Question of Story Structure? *Sleep and Hypnosis*, 3 (1), 9-17.
23. Popp, G., Luborsky, L., Crits-Christoph, P. (1992). The parallel of the CCRT from therapy narratives with the CCRT from dreams. In L. Luborsky, P. Crits-Christoph (Eds.), *Understanding transference* (pp. 158-172). New York: Basic Books.
24. Rotenberg, V. (2001). *Snovidyeniya, gipnoz i deyatyl'nost' mozga* [Dreams, hypnosis and brain activity]. Moscow: RON.
25. Ruby, P. (2011). Experimental Research on Dreaming: State of the Art and Neuropsychanalytic Perspectives. *Front Psychol.*, 2. Retrieved from <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/>.
26. Schneider, A., Domhoff G. (1997). The quantitative study of dreams. Retrieved from <http://www.dreamresearch.net/>.
27. Strauch, I., Meier, B. (1996). *In search of dreams: Results of experimental dream research*. Albany: State University of New York Press.
28. Valli, K., Frauscher, B., Peltomaa, T., Gschliesser, V., Revonsuo, A., Högl, B. (2015). Dreaming furiously? A sleep laboratory study on the dream content of people with Parkinson's disease and with or without rapid eye movement sleep behavior disorder. *Sleep medicine*, 16 (3), 419-427.
29. Vyazovskiy, V., Delogu, A. (2014). NREM and REM Sleep: Complementary Roles in Recovery after Wakefulness. *The Neuroscientist*, 20(3), 203-219.
30. Webb, E., Campbell, D., Schwartz, R., Sechrest, L., Grove, J. (1981). *Nonreactive measures in the social sciences*. Chicago: Rand McNally.
31. Winget, C, Kramer M. (1979). *Dimensions of dreams*. Gainesville, FL.: University of Florida Press.

Iryna Kryvenko (Horbal)

METHODS FOR THE STUDY OF DREAM CONTENT IN PSYCHOLOGY

The article reviews modern methodology of dream content studies. Two key approaches for studying of dream phenomenon are outlined, objective, which fixes the peculiarities of brain activity while dream occurs and is used in the field of psychophysiology, and subjective which is focused on main themes, emotions, and events in the dream, and the information sources are self-reports, pictures. Modern methods for analysis of dream content within the framework of subjective approach are analyzed, such as methods of collecting data and actually methods of analysis of content filling of dreams. Four sources of getting information on dream content are outlined – dream laboratory studies, psychotherapeutic sessions, dream journals and group studies; pluses and minuses of each method are substantiated. It is proved that the results of studies received in dream laboratories and in common conditions at home do not differ essentially and are permutable. The difficulties connected to the objectivity of received data on dreams during psychotherapeutic sessions are analyzed. The main techniques of studying dream content in form of group research are overviewed, particularly The Most Recent Dream technique which is widely spread in Western studies. The possibilities for using free associations, metaphoric interpretation of symbols, search of repeated themes, and quantitative evaluation of dream elements, as effective methods for analysis of dream content are depicted. The opportunities of using different statistical scales while working with data on dream content are described, together with evaluating their positive and negative sides. As an example of effective reliable method of studying dream content Hall-Van de Castle decoding system is exemplified, together with the research organizational norms for using it. For the conclusions, the perspectives of using these described methods for reaching theoretical and applied psychological goals are overviewed.

Keywords: *dream, sleep, research methods, dream journals, decoding dream content system, repeated themes, metaphorical content.*

УДК 159.923

doi: 10.15330/ps.8.1.189-200

Леонид Левит

Центр психологического здоровья и образования (Минск, Беларусь)
leolev44@tut.by

О ДОБРЕ И ЗЛЕ, О ЖИЗНИ И СМЕРТИ: НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ С Г. А. БАЛЛОМ

Работа посвящена памяти ушедшего из жизни выдающегося ученого и психолога, профессора Г. А. Балла. Приводятся основные темы, содержание и результаты научных дискуссий между Г. А. Баллом и автором статьи на протяжении последних нескольких лет. Автор рассматривает категорию добра в

контексте соотношения трёх основных, «вечных» ценностей (истины, добра, красоты), принятого в философии. Склонность человеческого мозга к образованию позитивных иллюзий, выявленная нейронаукой в последние десятилетия, позволяет более чётко разграничить «истинное» и «неистинное» добро. Показано, как применение разработанной автором двусистемной и многоуровневой «Личностно-ориентированной концепции счастья» (ЛОКС) в сочетании с проведенными экспериментальными исследованиями позволило существенно продвинуться в изучении проблем добра и зла, альтруизма и эгоизма, жизни и смерти, представлявших средоточие интереса для Г. А. Балла. Также открываются новые возможности для сближения двух основных – естественнонаучного и гуманитарного – направлений в современной психологии.

Ключевые слова: альтруизм, гуманизм, добро и зло, самореализация, системный подход, счастье, эгоизм.

Вступление. Поскольку в течение последних четырех лет жизни Георгий Алексеевич Балл являлся моим научным консультантом при подготовке и защите докторской диссертации, мы успели обсудить (в личных дискуссиях и электронной переписке) многие научные проблемы, нередко выходящие за пределы исследования. Временами споры принимали довольно жаркий характер, что в итоге лишь укрепляло наше сотрудничество. Я не переставал удивляться широким познаниям Георгия Алексеевича в самых разных областях психологии, а также его тактичности и чуткости к собеседнику.

В данной статье мне хотелось бы кратко описать содержание наших дискуссий по некоторым основополагающим жизненным проблемам – понятиям добра и зла, эгоизма и альтруизма, жизни и смерти. Последняя тема приобрела особый смысл, поскольку через несколько месяцев после моей защиты Георгий Алексеевич ушел из жизни. Данная статья посвящена его памяти.

Истинное добро. Как известно, античными философами были выделены три главные, «вечные» ценности человечества – истина, добро и красота. Реализация всех трех ведет к достижению жизненной гармонии, по-настоящему полноценному существованию индивида. Для Георгия Алексеевича средоточием интереса в данной тройке являлось добро и его отличия от зла. По мнению Г. А. Балла, добро соотносительно сущностным закономерностям бытия в отличие от зла, которое эти закономерности нарушает. Именно тем, что на стороне добра находится само «бытие», определяет стратегическое (конечное) превосходство добра над злом [1, с. 143].

Помнится, обсуждая с Г. А. Баллом данные идеи, мы сломали немало копий. Например, для моего конкретно устроенного ума оставалось непонятным, *каким именно* закономерностям бытия должен соответствовать тот или иной поступок человека, чтобы считаться добром. Ведь различные закономерности нередко находятся между собой в сложных, противоречивых отношениях; к тому же, многие до сих пор неизвестны человеку. Их поиском и исследованием занимаются естественные науки, в то время как «добро» представляет собой этическую категорию, предмет исследования гуманитарных дисциплин.

Чтобы лучше понять логику мыслей Георгия Алексеевича по данному вопросу, вернемся к базовым понятиям истины, добра и красоты. Споры об их соотношении не утихают много веков. Рассмотрим случай, когда добро и истина противоречат друг другу. Предполагается, что при необходимости выбора между истиной и добром, истиной и красотой субъект должен предпочесть то, что является правдивым, истинным [27, р. 4]. Однако указанная рекомендация входит в противоречие с важными данными касательно человеческой природы, полученными нейронаукой и современной психологией. Более конкретно, речь идет о позитивных иллюзиях (частично или полностью ложных убеждениях положительного свойства), к созданию которых склонен человеческий мозг, и которые нередко позиционируются в качестве необходимого компонента полноценной, счастливой жизни [31].

Вот один из типичных примеров. Результаты социально-психологических исследований демонстрируют широко распространенный эффект «ложной уникальности»

(false uniqueness), при котором переоцениваются собственные позитивные (высоко желаемые) качества и недооцениваются негативные [10; 22]. Массовая приверженность индивидов заблуждениям относительно собственного уникального внутреннего потенциала, стремление любой ценой поддержать высокую самооценку ведут к искажению проводимых социальных сравнений.

Как отмечают Дж. Форест и Г. Сич, тема успешной самореализации настолько популярна в социуме, что оказывает существенное влияние на специфику статистического распределения по результатам заполнения тестов гуманистической направленности, создавая изрядный процент «псевдосамоактуализаторов» [20]. В свое время автору данной статьи пришлось серьезно потрудиться над разработкой специальных приемов в собственном диагностическом опроснике, чтобы навсегда избавиться от правосторонней асимметрии и эксцесса.

Между тем неумолимая реальность свидетельствует о разительном несовпадении желаемого и действительного. Так, по наблюдениям А. Маслоу, успешно актуализируется менее одного процента людей. Даже прекрасные внешние условия далеко не всегда способствуют самоактуализации [11; 21]. Рассчитанный нами доверительный интервал, показывающий примерный процент индивидов, обладающих Личностной Уникальностью и реализующих ее, простирается в интервале от 0.15 процента (минимум) до 19 процентов (максимум). Вычисления производились на основе многолетнего наблюдения за статистикой и особенностями самореализации среди лиц, прошедших в разные годы наш «Эвдемонический Тренинг».

Другие позитивные иллюзии индивида основаны на преувеличенном представлении о своей способности контролировать окружающий мир и нереалистическом оптимизме. Так, исследования демонстрируют веру большинства людей в то, что их будущее окажется лучшим, нежели предположения о нем, имеющие чисто статистическую основу. Даже снабжение испытуемых объективной информацией заставляет их по-прежнему предпочитать излишне позитивные убеждения и действовать на их основе. Эффект плацебо в психотерапии и медицине частично или полностью основан именно на позитивных иллюзиях [27, p. 16].

Иными словами, люди склонны скорее исказить реальность и преувеличивать свои возможности в ней, нежели стремиться воспринимать их максимально точно. Теряет ли в этом случае понятие истины свой приоритет в сравнении с добром и красотой?

Для ответа на поставленный вопрос вернемся к определению добра, данному Г. А. Баллом. Если добро соответствует *основным закономерностям бытия*, значит, *добрый* поступок, опирающийся на знание истины (то есть, знание основных закономерностей), является также поступком *истинным*! Это, в свою очередь, означает фактическое объединение Г. А. Баллом двух вечных ценностей и, как следствие, исчезновение противоречий между ними. С другой стороны, подобное слияние кажется нам возможным лишь тогда, когда истина будет окончательно познана, а до тех пор основным препятствием для *истинно добрых* поступков выступает неполнота человеческого знания. «Знание истины» предполагает, таким образом, и понимание человеком несовершенства собственного мозга, склонного к систематическому порождению позитивных иллюзий – «неистинного добра», выполняющего, тем не менее, и полезные функции в индивидуальном существовании. Речь идет, в первую очередь, о поддержании устойчивой положительной самооценки и порождении самомотивации к деятельности в условиях, когда результат не гарантирован [27].

Поэтому мы считаем, что и введенное Г. А. Баллом понятие «рациогуманизм» основано на объединении ценностей «истины» и «добра»: ум (рацио) стремится познать истину и далее воплотить следование ей в гуманистически ориентированной активности (творении добра).

Однако и позитивные иллюзии, как теперь выясняется, не для всех являются необходимостью с точки зрения внутреннего благополучия. Исследования У. Комптона

обнаружили группу испытуемых (чуть более 10%), обладавших высокой самооценкой и высоким уровнем психического здоровья при *низком* уровне позитивных иллюзий. Автор работы отмечает, что члены указанной группы не были склонны прибегать к защитным позитивным ментальным построениям в затруднительных ситуациях и в целом характеризовались гораздо лучшим функционированием в сравнении со средне-статистическим испытуемым [19, pp. 1343-1344]. Остается надеяться, что их более адекватное представление о самих себе (большая близость к «истине») способно воплощаться и в собственной активности, основанной на данном знании.

«Добро» и «зло»: соотношение альтруизма и эгоизма. Если «добро» в понимании Г. А. Балла означает следование (одной-единственной, конечной) истине, в то время как «зло» предполагает ее искажение, значит, истинное добро и истинное зло не имеют между собой никаких связей, *противостоят* друг другу. Увы, реальность предоставляет нам массу примеров противоположного свойства, где добро и зло, имея «условный» характер, не только тесно связаны между собой, но и не могут существовать друг без друга. В качестве очередного примера рассмотрим такую пару противоположностей, как эгоизм и альтруизм.

Мы предпочитаем определять эгоизм как врожденную предрасположенность человека в свою пользу, заботу о собственных интересах – в отличие от альтруизма, предполагающего заботу об интересах других людей.

Биологические корни эгоизма, способствующего выживанию особи, восходят к учению Ч. Дарвина: «Мое наследственное вещество есть самое важное вещество на свете. Чтобы оно могло выжить, вполне оправданно, если другие будут недоедать, страдать, а, возможно, и умирать» [12, с. 122]. По мнению Дж. Уолкера, эгоизм представляет собой главный факт органической жизни, ее универсальную характеристику [32, p. 13].

Как отмечает В. Д. Шадриков, «биологически, с точки зрения выживания, человек должен воспринимать себя как нечто гораздо более важное, чем все его окружающее. В этом источник энергии и желания защищаться от других, работать для поддержания своего существования, бороться за свою жизнь и добиваться успеха» [18, с. 257]. Таким образом, автор фиксирует защитные и мотивационные функции человеческого эгоизма.

Альтруизм, как и эгоизм, может рассматриваться в качестве мотивации и в качестве поступка. Если, с точки зрения теории психологического эгоизма, все желания и действия человека в конечном счете эгоистически мотивированы, то альтруистическая альтернатива считает некоторые мотивы подлинно (первично) альтруистическими [30].

Практически любой альтруистический с виду поступок может иметь «на дне» эгоистическую мотивацию, связанную (как минимум) с гедонизмом – улучшением внутреннего состояния актора в результате совершения требуемого действия. Спасая тонущего человека или сдавая донорскую кровь, мы повышаем самооценку, считаем себя «хорошими» и тем самым избегаем появления стыда или вины, если бы не сделали это. Стремление к улучшению внутреннего состояния в качестве конечной ценности расценивается как гедонистический эгоизм, считающийся специфической версией психологического эгоизма в соответствующих теориях. Его действие заключается в сужении внутренней мотивации до получения удовольствия и избегания боли [30].

Гедонистический эгоизм выглядит неприступным оплотом для сторонника теории тотально эгоистической первичной мотивации. Облегчение негативного состояния помогающего, его эмпатическая радость являются мотивационными механизмами, лежащими *в основе* альтруистического действия. Само же действие в этом случае сохраняет свою (внешнюю) альтруистическую природу, даже если помощь оказывается исключительно для того, чтобы почувствовать себя лучше [29, p. 139].

Как отмечает Дж. Мук, соотношение эгоизма и альтруизма представляет собой основополагающий, до сих пор не разрешенный вопрос касательно природы человека [29, p. 139]. Таким образом, с одной стороны, необходимо прояснить содержание первичной

мотивации, с другой – определить удельный вес альтруистических компонентов в мотивах и поступках человека.

Методика, эксперимент, результаты. Для выяснения соотношения эгоизма и альтруизма в повседневной активности человека мы провели в 2011 – 2013 гг. несколько исследований с использованием методов выборки переживаний (experience sampling methods – ESM). В данной статье речь пойдет о втором и третьем исследованиях [3; 4].

Мы включили в анкету в виде отдельных шкал «эгоизм» («польза, выгода для себя») и «альтруизм» («польза, выгода для других»). В обоих исследованиях приняли участие восемь человек (четверо мужчин и четверо женщин в возрасте от 25 до 52 лет). Все испытуемые получили высшее образование и не имели психических расстройств. Каждый испытуемый перед началом эксперимента получил письменную и краткую устную инструкции, а также бланки анкеты для ежедневного использования. Каждые 2 часа (за исключением сна) на протяжении двух недель испытуемые фиксировали вид активности, которой были заняты, а также степень выраженности указанных в анкете показателей по одиннадцатибальной шкале (0–10 баллов). Полученные данные подверглись статистической обработке.

Главной неожиданностью проведенных исследований явилось наличие положительных корреляционных взаимосвязей между шкалами «эгоизма» и «альтруизма» у всех испытуемых, причем большинство корреляций имели статистически значимый характер. Таким образом, нами были получены результаты, кардинально меняющие традиционные представления, согласно которым эгоизм и альтруизм противоположны друг другу. Ведь между «противоположностями» не может существовать стабильно-положительная взаимосвязь.

По количественным значениям шкала «эгоизма» превосходит шкалу «альтруизма» во всех случаях, кроме одного. Полученный факт является дополнительным подтверждением идей о врожденной (эгоистической) предрасположенности индивида «в свою пользу» с целью увеличения шансов на собственное выживание. Единственная испытуемая, у которой показатели альтруизма оказались выше (всего на одну десятую балла), призналась после проведенного исследования, что в указанный период ежедневно ухаживала за своей тяжело больной (вскоре умершей) матерью, что воспринималось как достаточно тяжелая, но временная и вынужденная мера, повлиявшая на оценки.

Обнаружение позитивных взаимосвязей между эгоизмом и альтруизмом наносит удар по идеологии, предпочитающей рассматривать данные понятия в качестве противоположностей, имеющих при этом разные импликации и разную ценность с моральной точки зрения. Многие виды помогающего поведения так или иначе усиливают и самого актора, а не только тех, кому он оказывает помощь. И наоборот, действия человека по «усилению себя», особенно, если речь идет о продуктивной самореализации, обычно приносят пользу и другим людям (немедленно или в перспективе).

Проделанная нами работа по теоретическому и экспериментальному изучению соотношения эгоистической и альтруистической мотивации и поступков позволяет обобщить результаты в *новой теории мотивации и поступков*, требующей дальнейшего осмысления и проверки. Суть ее в следующем. К области первичной (конечной) мотивации (ultimate motives) относится эгоистическая, цель которой заключается в благополучии индивида. Первичная мотивация порождает множество инструментальных (промежуточных) мотивов, целью которых может быть как собственное благополучие, так и благо других (ведущее в конечном итоге к собственной пользе). Существование инструментальных альтруистических мотивов (как и определяемых ими альтруистических действий) диктуется жизнью индивида в условиях социума и необходимостью отыскания *разных* способов достижения целей конечной (эгоистической) мотивации. По этой же причине часть инструментальных мотивов имеет смешанный характер, хотя в целом эгоистическая мотивация, *непосредственно* обслуживающая инстинкт выживания индивида, преобладает над альтруистической. В то же время конечная цель

альтруистической мотивации (подобно эгоистической) по-прежнему заключается в принесении пользы своему носителю (по принципу «отойти, чтобы быстрее попасть»). Делается это с помощью иных средств – альтруистических поступков, «немедленную» и явную выгоду от которых получает общество, членом которого данный индивид является. Как пишет в похожей связи Д. Кребс, альтруизм и эгоизм могут быть интегрированы в рамках адаптивных (направленных на решение проблем) стратегий индивида [25].

Указанные разновидности инструментальной мотивации «на поверхности» воплощаются в действиях соответствующей им природы, охватывающих как непосредственные интересы индивида, так и (в большей или меньшей степени) интересы других людей. Предпринятые действия имеют разного рода последствия, «конечным» среди которых опять-таки является благополучие актора. Диапазон инструментальных мотивов и соответствующих им действий может быть представлен в виде континуума, крайними точками которого являются «эгоизм» (польза, выгода для себя) и «альтруизм» (польза, выгода для других).

Приведенная последовательность («первичный» мотивационный эгоизм – «инструментальные» мотивационные эгоизм и альтруизм – эгоистические и альтруистические действия – последствия действий) позволяет в полной мере объяснить полученные экспериментальные результаты: положительные корреляции между шкалами эгоизма и альтруизма, а также количественное преобладание первого над вторым. Оно также объясняет отсутствие «базового» конфликта между внешне противоположными разновидностями мотивации (эгоистической и альтруистической). В этом случае для описания взаимоотношений эгоизма и альтруизма хорошо подходит метафора «отца» и «сына» [8; 9].

Введенная нами конструкция поддерживается несколькими теориями: концепцией альтруистического эгоизма Г. Селье [14], теорией преобладающего эгоизма Г. Кавки [24], представлениями о тотально эгоистической природе бессознательного З. Фрейда [16], идеями А. Маслоу о неразрывной связи эгоизма и альтруизма в активности психически здорового человека [11] и, самое главное, широко известной за рубежом доктриной психологического эгоизма [30]. Согласно последней, единственной конечной целью (или «первоначальной основой»), к которой стремится человек, является его собственный интерес.

Глобальная претензия, лежащая в основе представления о единой природе базовых мотивов человека, ставит теорию психологического эгоизма в потенциально уязвимое положение: одно-единственное исключение, которое невозможно будет оспорить, способно обрушить всю конструкцию. Тем не менее, до настоящего времени все (теоретические и основанные на экспериментах) аргументы противников конечной эгоистической мотивации опровергаются.

При другой, (этически привлекательной, однако до сих пор недоказанной) «мультимотивационной» трактовке альтруизм все же занимает часть первичной мотивации, хотя и меньшую. Здесь уместной является метафора «двух братьев» – старшего (эгоизм) и младшего (альтруизм). Правда, сторонникам данного подхода теперь предстоит ответить на неудобный вопрос: насколько разумно пытаться приписать альтруистической мотивации отдельный, самостоятельный характер, если налицо ее положительная связь с эгоизмом? Гораздо логичнее считать альтруизм специфической разновидностью эгоизма, приносящей пользу своему носителю через помощь другим людям и «гладкие» отношения с ними.

Имеется и другое возражение. Можно ли представить, чтобы у истоков мотивации человека располагались два конфликтующих «антагониста», один из которых (эгоизм) был бы связан с удовлетворением базовых потребностей индивида (стремления к выживанию и собственному благополучию), в то время как другой (альтруизм) ставил бы во главу угла помощь другим людям и тем самым постоянно мешал первому? Индивид с подобной мотивационной диспозицией имел бы сниженную способность к выживанию и

вместо душевной гармонии был бы обречен на тяжелый внутренний конфликт (расщепление). Для человека (как и другого живого существа) было бы странным иметь первичную мотивацию, часть которой не способствовала, а, наоборот, противоречила удовлетворению его фундаментальных потребностей, физическому здоровью и душевной гармонии.

Итак, на смену идее столкновения двух мотиваций в духе «или-или» приходит более гармоничный принцип «и-и»: сделать лучше себе, а также, по возможности, другим людям. Как отмечает Р. Райт, человек тем ближе подходит к нравственной истине (благополучию всего человечества), чем успешнее он действует в собственных интересах [13, с. 447].

Можно констатировать, что идея Г. Спенсера об универсальной формуле нравственности, которая соответствовала бы интересам как индивида, так и сообщества [15], обретает ясные очертания. Результаты проведенных исследований показывают, что для наших испытуемых характерно ее практическое воплощение, заключающееся в некотором (разумно-необходимом) превосходстве эгоизма над альтруизмом. *Активный деятель* приносит пользу себе и другим людям, избегая тем самым внутренних противоречий и конфликтов. Собственная выгода немного выше хотя бы потому, что взрослому человеку самому следует заботиться о поддержании в надлежащем состоянии своего тела и духа, и это требует некоторых дополнительных ресурсов. Работа «на себя» эффективнее еще и потому, что сам индивид лучше всего понимает собственные нужды.

Плач младенцев: альтруизм или эгоизм? Современная наука, в том числе психология, приводит аргументы в пользу существования у человека и других видов первичной мотивации помимо чисто эгоистической, однако эмпирически установить «первичность» неэгоистических мотивов пока не удается. Практически все альтруистические акты могут быть объяснены с позиций эгоизма, поскольку в конечном итоге способствуют выживанию или, по крайней мере, повышают настроение (улучшают внутреннее состояние) осуществляющего их индивида.

В качестве доказательства заново рассмотрим хрестоматийный пример, используемый многими зарубежными авторами в качестве доказательства истинного, «первичного» альтруизма. Известно, что младенцы в родильных домах сами начинают кричать, если слышат крики других детей [33 и др.]. Стандартное альтруистическое объяснение («врожденная бескорыстная забота о другом человеке, попавшем в беду») парируется с помощью обнаруженных нами как минимум трех эгоистических интерпретаций. Во-первых, младенец стремится своим плачем «заглушить конкурента», чтобы сохранить (не утратить) необходимое внимание и ресурсы заботящихся взрослых. Во-вторых, полезно выразить собственное «возмущение» тем фактом, что рядом оказался крикливый соперник, мешающий питанию и отдыху. В-третьих, плач другого новорожденного способен быть сигналом общей для младенцев опасности, о которой надо срочно предупредить заботящихся взрослых, усилив общий шум. В последнем случае речь идет о групповом эгоизме.

Приведенные объяснения демонстрируют вероятную эгоистическую природу мотивации, лежащей в основе «эмпатийного», как ранее предполагалось, плача новорожденных. В ситуации выбора более простая эгоистическая интерпретация, основанная на мотивационном монизме, имеет преимущество перед альтруистической версией, основанной на допущении первичного мотивационного плюрализма, согласно методологическому принципу («бритве») Оккама.

Универсальный эгоизм, психологическая наука и этика: разрешение противоречий. Как видим, дискуссии с Георгием Алексеевичем были настолько плодотворными, что неоднократно подталкивали автора статьи к напряженным размышлениям и исследованиям. Если, в соответствии с советской и постсоветской традицией гуманитарных исследований, считать альтруизм безусловным «добром», а эгоизм – «злом», то полученные нами результаты, демонстрирующие положительную

связь добра и зла, опровергают представления об их взаимной отделенности и противостоянии друг другу. Более того, вырисовывается мрачная закономерность: «глубинное зло» (универсальный бессознательный эгоизм человека) не только всегда лежит в основе «поверхностного добра» (альтруистических поступков), но и управляет им.

Однако все не так просто. В данном случае мы быстро поняли, что столкнулись с классическим противостоянием результатов экспериментальных исследований и морально-политических пережитков советского прошлого. Проблема заключается в *однозначной*, традиционно негативной трактовке понятия «эгоизм», связанной, помимо прочего, с классовой природой социалистического учения.

Если признать существование универсального конечного эгоизма как установленную *истину*, тогда именно приверженность ей и будет означать следование путем *добра*. В последнем случае рушатся лишь некоторые (по сути – надуманные или лицемерные) построения советской и постсоветской морали, не имеющие под собой надежной эмпирической основы. Иными словами, индивиду не следует расстраиваться от того, что в основе альтруистических поступков можно обнаружить его личный интерес, нередко им самим не осознаваемый. От этого добрые дела, творимые человеком, не перестают быть добрыми делами. Зато понятие «эгоизм» как основа активности индивида должно быть в значительной степени (разумеется, не полностью) лишено негативной ауры: «Если считать эгоистически мотивированными все действия, значит, подобное поведение нельзя расценивать как порок» [26, р. 266].

Хотя эгоизм в своих низших, грубо материальных разновидностях ассоциируется с понятием первородного греха, однако и в рамках религии имеются аргументы в пользу эгоизма. Как пишет Б. Медлин, если бог наделил каждого из нас эгоизмом, значит, именно эгоистическое поведение означает почитание бога [28, р. 113]. «Нет ничего нелепей, – пишет К. Хитченс, – представления о создателе, который запрещает инстинкты собственного изготовления» [17, с. 271]. Как утверждал Мартин Лютер, святым можно называть лишь того человека, который замечает эгоизм в каждом своем побуждении [23]. И в самом деле: неужели следует объявлять злом стремление каждой особи к самосохранению, лежащее в основе самой жизни?

В рамках нашей концепции, люди не могут избежать собственного эгоизма. Однако индивиды способны научиться совершать выбор в пользу развития высшей формы эгоизма (зрелого индивидуализма), предполагающего уникальную самореализацию и достижение счастья [4]. Именно *уровневое* построение системы «Эгоизм» в ЛОКС позволяет осуществить подобную операцию.

Для тех же, кто называет себя «истинными альтруистами», наступают трудные времена. Мало того, что на самом деле (в конечной инстанции) данный человек является эгоистом: теперь он еще и вводит окружающих в заблуждение относительно собственной глубинной сущности – а значит, не следует «*истинному* добру» (которое отныне предполагает внутреннюю «неоднозначность», если не противоречивость, на разных уровнях понимания внешне альтруистических поступков). Именно сюда способен сместиться новый водораздел между добром и злом, поскольку ложь (в том числе и как забвение истины) по-прежнему остается пороком.

Выявленная закономерность в качестве одного из следствий имеет непосредственное отношение к перестройке, усложнению морально-нравственного воспитания. Отныне вместо огульного отрицания эгоизма и пропаганды утопических фантазий о «бескорыстном служении человечеству» подготовленный специалист может учить воспитанников находить и собственную «конечную» выгоду при оказании помощи другим людям, либо осознавать пользу, приносимую обществу в более широком контексте при реализации собственных интересов. Так или иначе, педагогическая ситуация теряет черно-белую («или себе или другим») окраску и становится гораздо более интересной для применения творческих инноваций. Что же касается «безусловного»

альтруизма, готовности к самопожертвованию, то указанные экстраординарные качества должны целенаправленно формироваться лишь у представителей некоторых профессий: работников МЧС и силовых ведомств. И не забудем, что демонстрация работником подобных качеств в экстремальных ситуациях компенсируется не только заработной платой, но и ощущением собственной значимости.

Сближение «сциентистского» и гуманистического подходов в психологии и науке в целом. Еще одним важным аспектом научных интересов Георгия Алексеевича являлся поиск возможностей (медиаторов) сближения между естественнонаучной («сциентистской») и гуманитарной парадигмами [2], различия между которыми становятся все более острыми, особенно в психологии, открытой для обоих направлений. Что ж, и здесь нам приятно отчитаться о достигнутых результатах. Именно двусистемное построение «Личностно-ориентированной концепции счастья» позволяет автору осуществить задуманное. Если эгоизм человека (как и всего живого на Земле) имеет врожденно-биологическое (обоснованное естественными науками) происхождение, то система «Личностная Уникальность» может быть представлена как «идеальная» часть психики – понятие, не имеющее естественнонаучного коррелята и характерное для сугубо гуманистического дискурса [5].

Медиаторами в естественных науках называются вещества, которые, выделяясь одной из систем организма, влияют на другую систему и как бы «воспламеняют» ее. Соответственно, главным «медиатором» между обеими системами ЛОКС выступает «Высший» Эгоизм четвертого уровня. С одной стороны, данное понятие сохраняет родство с нижележащими уровнями (исконно биологической) системы «ЭГ», с другой – считает реализацию Личностной Уникальности наивысшей ценностью человеческого существования. Таким образом, мы изучаем взаимодействие обеих систем, одна из которых (ЭГ) по мере своего развития и влияния со стороны другой системы (ЛУ) постепенно смещается от чисто биологической к гуманистической парадигме. Многочисленные межсистемные и межуровневые взаимодействия в ЛОКС ведут к «умножению дискурсов», что в настоящее время признается главным критерием прогресса для гуманитарной науки.

Полученные результаты позволили нам (с одобрения Георгия Алексеевича) позиционировать ЛОКС в качестве наиболее подходящего кандидата на роль окончательной (наиболее общей и фундаментальной) теории для современной психологии [6; 7].

Жизнь и смерть. Так случилось, что в последние годы Георгий Алексеевич часто болел. При этом он стоически относился к страданиям и никогда не жаловался на свои недуги. Поскольку приближалась юбилейная дата (80 лет), я уговаривал Георгия Алексеевича провести конференцию (чтения) с участием его многочисленных учеников. Однако идея не была поддержана. Георгий Алексеевич лишь сказал, что по-настоящему его вклад в науку будет оценен после смерти. В тот момент я не был согласен с подобным мнением, поскольку считал, что будущее непредсказуемо, а полагающиеся учёному почести следует воздать при его жизни. Через полгода после юбилея Георгия Алексеевича не стало.

Я неоднократно возвращался к услышанным словам и, в конце концов, признал определенную правоту своего коллеги и наставника. Действительно, как получается, что к умершим творцам люди зачастую относятся лучше, чем к живым? В ответе на данный вопрос нам снова помогает двусистемное построение ЛОКС. Живой гений оперирует обеими системами: он не только творит благодаря ЛУ (таланту), но и конкурирует, соперничает с другими учеными с помощью системы «ЭГ». Безоговорочное признание творца «истинным гением» при жизни предполагает необходимость наделяния его непропорционально большим количеством иных (весьма ограниченных) благ, которые будут взяты у других коллег. Подобная перспектива способна вызвать массовое сопротивление как из чисто материальных соображений, так и вследствие угрозы

самооценке. Поэтому творца нередко ругают при жизни (для ограничения его системы «ЭГ»), зато восхваляют после смерти, когда система «ЭГ» прекратила свою работу и менее одаренные сотрудники могут не беспокоиться о собственном статусе. К тому же всем «бесплатно» досталось наследие, созданное при жизни системой «ЛЮ» выдающегося ученого.

Так что, полагаю, Георгий Алексеевич проявлял скромность именно потому, что не хотел даже невольно возбуждать ревность в коллегах. Светлая ему память!

1. Балл Г. А. К проблеме взаимосвязи добра и зла в социальном поведении / Г. А. Балл // Журнал практикующего психолога. – 2009. – Вып. 15. – С. 141–156.

2. Балл Г. А. Медиаторы межпарадигмального взаимодействия в исследованиях культуры / Г. А. Балл, В. А. Мединцев // Психология третьего тысячелетия (материалы конференции). – Дубна : Гос. ун-т «Дубна», 2015 – С. 22–25.

3. Левит Л. З. Индивидуальный потенциал и его реализация: двусистемная концепция (в двух частях) / Л. З. Левит. – Минск : РИВШ, 2014. Ч. 1. – 420 с. – Ч. 2. – 272 с.

4. Левит Л. З. Использование методов выборки переживаний (ESM) в исследованиях счастья / Л. З. Левит. – Минск : РИВШ, 2014 в. – 148 с.

5. Левит Л. З. В каждой избушке свои погремушки: еще раз о сближении двух подходов в психологии / Л. З. Левит // Материалы Междунар. конф. «Наука в эпоху дисбалансов». – Киев : Центр научных публикаций, 2015. – С. 105–112.

6. Левит Л. З. Психология: возможность окончательной теории / Л. З. Левит // Прикладная психология и психоанализ: электронный научный журнал. – 2016. – № 3. Режим доступа: <https://ppip.idnk.ru/index.php/component/content/article/39-2011-02-24-12-27-14/3-2016/782-levit-l-z> (дата обращения 17.02.2017).

7. Левит Л. З. Личностно-ориентированная концепция счастья как «окончательная» психологическая теория: десять главных причин / Л. З. Левит // Социальный психолог. – 2016. – № 2 (32). – С. 18–23.

8. Левит Л. З. Эгоистическая мотивация: экспериментальные результаты и теоретический дискурс / Л. З. Левит // Психология обучения. – 2016. – № 1. – С. 4–17.

9. Левит Л. З. Декларация всеобщего эгоизма: мысленный эксперимент / Л. З. Левит // Вестник ОмГУ. Серия «Психология». – 2016. – № 3. – С. 5–12.

10. Левит Л. З. Истинная и ложная личностная уникальность / Л. З. Левит // Психология третьего тысячелетия (сборник материалов). – Дубна : Гос. Ун-т «Дубна», 2017. – С. 69–73.

11. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е издание / А. Маслоу. – СПб. : Питер, 2009. – 352 с.

12. Прехт Р. Д. Я – это я? И если да, то насколько? / Р. Д. Прехт. – М. : АСТ, 2013. – 352 с.

13. Райт Р. Эволюция бога / Р. Райт. – М. : Эксмо, 2012. – 608 с.

14. Селье Г. Стресс без дистресса / Г. Селье. – М. : Прогресс, 1982. – 128 с.

15. Спенсер Г. Научные основания нравственности / Г. Спенсер. – М. : ЛКИ, 2008. – 336 с.

16. Фрейд З. По ту сторону принципа наслаждения // Труды разных лет / З. Фрейд. – Тбилиси : Мерани, 1991. – С. 139–192.

17. Хитченс К. Бог не любовь / К. Хитченс. – М. : АНФ, 2011. – 365 с.

18. Шадриков В. Д. Мир внутренней жизни человека / В. Д. Шадриков. – М. : Логос, 2010. – 392 с.

19. Compton W. C. Are positive illusions necessary for self-esteem: a research note // Person. Individ. Dif. – Vol. 13. – No. 12. – 1992. – Pp. 1343-1344.

20. Forest J. J., Sicz G. Pseudo-self-actualization // Journal of Humanistic Psychology, 1981. – Vol. 21. – № 1. – Pp. 77-83.

21. Frick W. B. Remembering Maslow: Reflections on a 1968 interview // Journal of Humanistic Psychology, 2000. V. 40, № 2. – Pp. 128-147.

22. Goethals G. R., Messick D. M., Allison S. T. The uniqueness bias: Studies of constructive social comparison // Social comparison: Contemporary theory and research. – Hillsdale; N. J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1991. – Pp. 149-176.

23. Hartung J. So be good for goodness' sake // Behavioral and Brain Sciences. 2002. – V.25. – Pp. 261-263.

24. Kavka G. Hobbesian Moral and Political Theory. Part II. – Princeton: Princeton University Press, 1986. – 461 p.

25. Krebs D. Adaptive altruistic strategies // Behavioral and Brain Sciences. 2002. V.25. – Pp. 265-266.

26. Lacey H. Teleological behaviorism and altruism // Behavioral and Brain Sciences. 2002. V.25. – Pp. 266-267.

27. Lane T. J., Flanagan O. Neuroexistentialism, eudaimonics, and positive illusions // Mind and Society: Cognitive Science Meets the Philosophy of the Social Sciences. – Springer Publishers, 2013. – Pp. 1-28.

28. Medlin B. Ultimate principles and ethical egoism // *Australasian Journal of Philosophy*. 2012. V. 35-2. – Pp. 111-118.
29. Mook D. G. Why Can't Altruism Be Selfish? // *Psychological Inquiry: An International Journal for the Advancement of Psychological Theory*. [Electronic resource] – Mode of access: http://dx.doi.org/10.1207/s15327965pli0202_9 (Date of access: 07.02.2013). – Pp. 139-141.
30. Psychological egoism [Electronic resource] – Mode of access: <http://www.iep.utm.edu/> – Date of access: 03.02.2010.
31. Taylor S. E., Brown J. D. Illusion and well-being: A social psychological perspective on mental health // *Psychological Bulletin*, 1988. – Vol. 103. № 2. – Pp. 193-210.
32. Walker J. I. The Philosophy of Egoism [Electronic resource] – Mode of access: http://dwardmac.pitzer.edu/anarchist_archives/coldoffthe presses/walker/egoism.html – Date of access: 07.01.2010.
33. Wallach M. A., Wallach L. Psychology's Sanction for Selfishness: The Error of Egoism in Theory and Therapy. San Francisco: Freeman, 1983. – 307 p.

REFERENCES

1. Ball, G. A. (2009). K problemu vzaimosvjazi dobra i zla v socialnom povedenii [The problem of a connection between good and evil in social behavior]. *Zhurnal praktikujushhego psihologa* [The Journal of a Practicing Psychologist], 15, 141-156 (rus).
2. Ball, G. A. (2015). Mediatory interparadigmalnogo vzaimodejstvija v issledovanijah kultury [The Mediators of Interparadigm Interaction in the Explorations of Culture]. *Psihologija tretjogo tysjacheletija (materialy konferencii)* [Psychology of the Third Millennium (materials of the conference)]. Dubna, State University, 22-25 (rus).
3. Levit, L. Z. (2014). Individualnyj potentsial i jego realizatsija: dvusistemnaya koncepcija (v dvukh chastyakh) [Individual Potential and its Realization: Dual-system Conception (in two parts)]. Minsk : RIVSH (rus).
4. Levit, L. Z. (2014). Ispolzovanie metodov vyborke perezhivaniy (ESM) v issledovanijakh schastja [The Usage of the ESM Methods in the Explorations of Happiness]. *Minsk: RIVSH* (rus).
5. Levit, L. Z. (2015). V kazhdoi izbushke svoji pogremushki: escho raz o sblizhenii dvukh podhodov v psihologii [Every Hut Has its Own Toys: Once More About Making Nearer of Two Approaches in Psychology]. *Materialy Mezhdunarodnoj konferencii "Nauka v epohu disbalansov"* [The Materials of the International Conference "Science in the Age of Disbalance"]. Kijev: Tsentr Nauchnih publikatsij, [Kijev: The Centre of Scientific Publications], 105-112 (rus).
6. Levit, L. Z. (2016). Psihologiya: vozmozhnost' okonchatel'noi teorii [Psychology: possibility of the ultimate theory]. *Prikladnaya psihologiya i psichoanaliz: elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Applied psychology and psychoanalysis: an electronic scientific journal], 3 (rus). Rezhim dostupa: <https://ppip.idnk.ru/index.php/component/content/article/39-2011-02-24-12-27-14/3-2016/782-levit-l-z> (data obraschenija 17.02.2017) (rus).
7. Levit, L. Z. (2016). Lichnostno-orientirovannaja koncepcija schastja kak okonchatelnaja psihologicheskaja teorija: desjat glavnyh prichin [Person-oriented Conception of Happiness as the Ultimate Psychological Theory: Ten Main Reasons]. *Socialnyi Psiholog* [Social Psychologist], 2 (32), 18-23 (rus).
8. Levit, L. Z. (2016). Egoisticheskaja motivatsija: eksperimentalnyje rezultaty i teoreticheskij diskurs [Egoistic Motivation: Experimental Results and Theoretical Discourse]. *Psihologija obuchenija* [The Psychology of Teaching], 1, 4-17. (rus).
9. Levit, L. Z. (2016). Deklaracija vseobshego egoizma: myslennyj eksperiment [The Declaration of the Universal Egoism: Mental Experiment]. *Vestnik OmGU. Serija "Psihologija"* [The Herald of Omsk State University. Psychology series], 3, 5-12 (rus).
10. Levit, L. Z. (2017). Istinnaja i lozhnaja lichnostnaja unikalnost' [True and False Personal Uniqueness] *Psihologija tretjogo tysjacheletija (sbornik materialov)* [The Psychology of the Third Millennium (collected papers)] Dubna, State University "Dubna", 69-73 (rus).
11. Maslou, A. (2009). Motivatsiya i lichnost' [Motivation and personality]. 3-e izdanie. SPb. : Piter (rus).
12. Precht, R. (2013). Ja – eto ja? I esli da, to naskolko? [Me – is Me? And if Yes, Then, to What Extent?]. M: AST.
13. Right, R. (2012). Evolutsija boga [God's Evolution]. M. : EKSMO (rus).
14. Selje, H. (1982). Stress bez distressa [Stress Without Distress]. M: Progress (rus).
15. Spencer, H. (2008). Nauchnyje osnovanija nrvstvonnosti [Scientific Foundations of Morals]. M. : LKI (rus).
16. Freid, Z. (1991). Po tu storony principa naslazhdenija // Trudy raznyh let [Beyond the Pleasure Principle // The Collected Papers]. Tbilisi : Merani (rus).
17. Hitchens, C. (2011). (rus). Bog nje l'jybov [God is Not Love]. M. : ANF.
18. Shadrikov, V. D. (2010). Mir vnutrennej zhizni cheloveka [The Inner Life of Man]. M. : Logos (rus).
19. Compton, W. C. (1992). Are positive illusions necessary for self-esteem: a research note // *Person. Individ. Dif.*, V. 13, 12, 1343-1344.
20. Forest, J. J., Sicz, G. (1981). Pseudo-self-actualization // *Journal of Humanistic Psychology*, V. 21, 1, 77-83.

21. Frick, W. B. (2000). Remembering Maslow: Reflections on a 1968 interview. *Journal of Humanistic Psychology*, V. 40, 2, 128-147.
22. Goethals, G. R., Messick, D. M. & Allison, S. T. (1991). The uniqueness bias: Studies of constructive social comparison. *Social comparison: Contemporary theory and research*. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 149-176.
23. Hartung, J. (2002). So be good for goodness' sake. *Behavioral and Brain Sciences*, V. 25, 261-263.
24. Kavka, G. (1986). *Hobbesian Moral and Political Theory*. Part II. Princeton: Princeton University Press.
25. Krebs, D. (2002). Adaptive altruistic strategies. *Behavioral and Brain Sciences*. V.25, 265-266.
26. Lacey, H. (2002). Teleological behaviorism and altruism. *Behavioral and Brain Sciences*. V.25, 266-267.
27. Lane, T. J., Flanagan, O. (2013). Neuroexistentialism, eudaimonics, and positive illusions. *Mind and Society: Cognitive Science Meets the Philosophy of the Social Sciences*. Springer Publishers: 2013, 1-28.
28. Medlin, B. (2012). Ultimate principles and ethical egoism. *Australasian Journal of Philosophy*. V. 35-2, 111-118.
29. Mook, D. G. Why Can't Altruism Be Selfish? *Psychological Inquiry: An International Journal for the Advancement of Psychological Theory*. [Electronic resource] – Mode of access: http://dx.doi.org/10.1207/s15327965pli0202_9 (Date of access: 07.02.2013), 139-141.
30. Psychological Egoism [Electronic resource] – Mode of access: <http://www.iep.utm.edu/> – Date of access: 03.02.2010.
31. Taylor, S. E., Brown, J. D. (1988). Illusion and well-being: A social psychological perspective on mental health. *Psychological Bulletin*. V. 103, 2, 193-210.
32. Walker, J. I. The Philosophy of Egoism [Electronic resource] – Mode of access: http://dwardmac.pitzer.edu/anarchist_archives/coldoffthe presses/walker/egoism.html – Date of access: 07.01.2010.
33. Wallach, M. A., Wallach, L. (1983). *Psychology's Sanction for Selfishness: The Error of Egoism in Theory and Therapy*. San Francisco: Freeman.

Leonid Levit

GOOD AND EVIL, LIFE AND DEATH: SCIENTIFIC DISCUSSIONS WITH G. A. BALL

The manuscript is dedicated to the memory of Professor G. A. Ball – the outstanding scientist and psychologist. We represent the main topics, the content and the results of scientific discussions with G. A. Ball in the recent years. The author regards the category of good in the context of interrelationship between three main, eternal values (truth, good and beauty) which is widely accepted in philosophy. The proneness of human mind for positive illusions, discovered by neuroscience in the last decades, enables to separate between true and not true good. The author demonstrates the possibilities of his dual system and multilevel «Person-Oriented Conception» of Happiness as well as the main results of his experimental explorations. Their implementation enabled us to move forward significantly in studying the problems of good and evil, of altruism and egoism, of life and death. All of these themes represented the focus of G. A. Ball's interest in his scientific work. There also open new possibilities for the rapprochement between the natural sciences and the humanistic approaches in modern psychology.

Keywords: *altruism, humanism, good and evil, self-realization, systemic approach, happiness, egoism.*

УДК 81'23

doi: 10.15330/ps.8.1.200-206

Наталія Акімова

Кропивницький інститут державного та муніципального управління
natasha-shadow@rambler.ru

СВІДОМІСТЬ: ВИЗНАЧЕННЯ ТА СТРУКТУРА

Метою статті є розробка критеріїв для визначення свідомості та її структурування. Для цього використано групу теоретичних методів, зокрема узагальнення, аналіз та синтез, описовий (прийоми логіко-психологічних й опозиційних інтерпретацій, словникової дефініції, компонентного аналізу та ін.), корелятивний та концептуальний аналіз, класифікацію. У результаті проаналізовано та систематизовано доробок відомих радянських вчених з питання визначення та структури свідомості. Зокрема, окреслені концепції свідомості С. Л. Рубінштейна, Б. Г. Ананьєва, О. М. Леонтьєва, А. В. Петровського, О. Р. Лурії, Л. С. Виготського. Також представлено популярні структури свідомості, репрезентовані у сучасних підручниках та в Інтернеті, висвітлено їх переваги та недоліки. У висновках представлена позиція автора щодо сучасного визначення свідомості та її структурування. Визначено, що у дефініції свідомості мають бути зазначені родо-видова віднесеність, зміст і структура та, можливо, функції. Пропонується